

РОЛЬ СЕКСА В ТАНТРЕ

Перевод фрагмента из книги: Padoux A. *Comprendre le tantrisme. Les sources hindoues*. Paris, 2010. P. 145–163. Автор перевода: Андрей

Игнатъев

Else a great prince in prison lies.

To our bodies turn we then¹

Джон Донн. Экстаз

В индийской культуре всегда отводилось важное место сексу и гендерному делению, как в космогонической концепции, так и во взглядах на человеческое существо и его место во вселенной. Начиная с ведийской эпохи любой акт творения имел тенденцию описываться как следствие сексуального союза. Не будем напоминать о связанных с сексом представлениях о божестве и творении (индуистские божества иногда очень активны в сексуальном отношении). Связь секса и могущества (*vīrya*, на санскрите это слово обозначает мощь, силу, а также и мужское семя) носит постоянный характер, а сексуальная символика вездесуща. Школы Тантры, исходившие из положения, что *kāma*, эрос, любовная страсть является доступным *par excellence* средством для того, чтобы превзойти эмпирическое «Я» и достигнуть божественного, могли только довести тенденцию до крайности, как в области мифологии и теологии, так и практики. Таким образом, тантризм задействовал одно из самых могущественных человеческих побуждений и одновременно утверждал свою трансгрессивную сторону, потому что эти практики ритуального секса вступали в противоречие с нормами индуистской ортодоксии. Отсылки к сексу в действительности обнаруживаются

¹ «Не то исчахнет принц в темнице. Да будет плотский сей порыв...» – Пер. А. Я. Сергеева.

беспреданно в пантеоне, теологии, метафизических конструкциях, аскезе и йоге, как и в тантрической обрядности.

Практики ритуального секса и более широко нарушение правил брахманской чистоты иногда, как было сказано, способствовали тому, что в Индии создался зловещий облик тантриков: санскритская литература, театр, множество старинных исторических, религиозных и художественных текстов свидетельствуют об этом, как мы уже видели. Ближе к нашему времени реформаторы индуизма, находившиеся под влиянием британского пуританизма той эпохи, подвергли моральному осуждению эти обряды, считавшиеся скандальными и оргиастическими. На Западе, после возмущенного неприятия со стороны первых ориенталистов, некоторые академические ученые в более позднее время стали склоняться к тому, чтобы придавать чрезмерное место сексу в своих описаниях феномена Тантры, в то время как другие стремились представлять этот последний под единственным углом секса, «трансцендентальной сексуальности», что не является точным.

В самом деле, хотя сексуальное измерение, носит ли оно символический характер или же лежит в основе и структурирует некоторые практики, во многих отношениях пребывает в сердцевине тантрического взгляда на человека и мир, в религиозной реальности и практиках Тантры всегда занимало только ограниченное место. Именно кама, в смысле принятия и наслаждения разнообразием мира и его радостями, находится в центре тантрического мировоззрения, а не только секс. Ритуальное использование секса, описываемое в тантрах, кроме того, как правило, представляется как тайное, а значит ограниченное небольшим числом посвященных и подготовленных адептов. Его применение подчинено точным и зачастую сложным правилам, имеющим целью превратить половой акт в средство выйти за пределы себя и соединиться с божеством: а значит, важна трансцендентальная задача, а не поиск наслаждений. Для практика-мужчины здесь также присутствует стремление к могуществу и жизненной силе, черпаемой у женщины, поскольку сила, энергия (*śakti*) женского рода, а

значит, ее содержит женщина-партнер на обряде: об этом свидетельствуют некоторые практики.

Этот взгляд на женщину, заметим попутно, является не только тантрическим, но и вообще индийским: она заключает в себе могущество, которое мужчина может черпать у нее, но которое он рискует всегда потерять, допуская извержение своего семени. Отсюда двусмысленное отношение к женщине: источник могущества, мать, защитница, она также опасна – женщина вызывает ужас или лишает сил: множество аспектов индийских традиций и образа жизни свидетельствуют об этом, от постведийской эпохи до наших дней¹. Наконец, следует добавить, что христианские предрассудки в отношении секса, когда он рассматривается как старый след животности у существа, сотворенного по образу божью, асексуальный принцип, чужды индуистской и буддийской (а также джайнской) Индии.

Секс в Индии не воспринимается как грех. В целом он считается естественной деятельностью, чья практика, все-таки, привязывает человеческое существо к миру и его радостям, как и к его страданиям, вызывая растрату силы, которую было бы лучше сохранять, чтобы беречь или увеличивать ее воздействие, использовать, преобразовывать или переводить на более высокий уровень, чтобы освободиться от ограничений земной жизни. Именно в общих рамках этого восприятия сексуальной активности (я бы сказал, достаточно нормального) и находятся тантрические представления. Как мы отмечали выше, иногда в текстах, отводящим важное место сексуальным практикам, хотели видеть «твердое ядро» феномена Тантры: в самом деле, они являются наиболее «тантрическими», потому что они в наибольшей степени наполнены сложной обрядностью, экзотическими божествами и трансгрессией. Но эти тексты не являются самыми многочисленными. К тому же ядро, если оно и находится в центре, занимает только ограниченное место. А значит, давайте признаем его место, в

¹ Эта черта, кажется, не является ведийской, также как культ коровы и вегетарианство.

некоторых отношениях существенно важное, но не будем придавать ему чрезмерную важность с оговоркой того, что мы только что сказали о сексе в Индии.

На эту тему следует также проводить различие между традициями. Вишнуизм панчатраты не знает сексуальных обрядов, даже их осуждает; только в Бенгалии, в частности, у вайшнавов-сахаджиев их можно обнаружить. В шиваизме сексуальный союз йогина с «посланницей» (*dūtī*) рассматривается только как характерная черта традиций кулы, которые этим отличаются от других, а не как общее правило. Традиции кулы, разумеется, являются самыми «тантрическими», но они не представляют весь тантрический шиваизм, и в этих традициях, даже если сексуальный символизм является почти вездесущим, сами сексуальные практики и обряды далеки от того, чтобы занимать все место. Наконец, добавим, что их, как правило, нельзя обнаружить в агамах шайва-сиддханты, чьи доктрины во многих отношениях лежат в основе шиваитского учения.

Сексуализированная теология, секс и метафизика

Как мы видели, характерной чертой индуистского пантеона является то, что божества в нем образуют пары. Каждый бог или богиня связываются с божеством противоположного пола: Шива с Парвати, Дургой или Умой, Вишну с Лакшми, Трипурасундари с Бхайравой и т.д. или же у сахаджиев (с небольшой разницей, разумеется) Кришна с Радхой и т.д. В Ямала-тантре, тексте кулы, различные формы Богини главенствуют над богами, с которыми они ассоциируются, при этом эти богини часто изображаются восседающими на плечах богов. Когда бог имеет одну, тантрическую форму, и другую, которая не является таковой, именно тантрическая форма сопровождается женским коррелятом. Таков случай, например, бога Ганеши (или ганеш, так как иногда их насчитывают пятьдесят один¹), который, когда он является

¹ В пантеоне, окружающем богиню Трипурасундари, например.

тантрическим, кроме того, как правило, изображается итифаллическим, при этом богиня сидит у него на колене и держит его фаллос.

Известно также то, что с метафизической точки зрения в школах Тантры высшее божество рассматривается как поляризованное на мужское и женское, и хотя мужское божество является в принципе господствующим, женское выступает полюсом могущества, шакти. Двуполые изображения некоторых божеств, например, изображение Шивы в облике Ардханаришвары, представляют зримый пример этого. В трике божество, с метафизической точки зрения воспринимаемое как Высшее сознание, в своем единстве включает два аспекта: свет, пракаша, мужское начало и осознающая сама себя вимарша, которая представляет собой его аспект жизни, могущества и слова и как таковая имеет женскую природу. Союз двух полюсов божества, Шивы и Шакти, откуда рождается вселенная, в космогонических системах недуалистического шиваизма часто представляется как выступающий результатом их трения друг об друга (*samghaṭṭa*), то есть имеющий сексуальную природу. Мы могли бы упомянуть еще другие случаи, показывающие смысл сексуальных изображений и метафор.

Наконец, заметим касаясь сексуального символизма, что обычным культовым изображением Шивы является во всех школах линга, стоящий вертикально фаллос, чья нижняя часть находится на постаменте, представляемом как йони, женский половой орган: сексуальный символизм, который не может быть более очевидным (даже если некоторые в Индии упорно отрицают это).

Ритуальный секс

Кажется естественным, что в таком теологическом и метафизическом контексте ритуальные практики отводят значительное место сексу. Но действие всегда и повсюду оказывается первым: оно предшествует формулировке теории, спекуляциям. Эти практики восходят, несомненно, к

очень отдаленным временам¹. Они должны были существовать до того, как учение сформировалось, в древних культах йогини, экстатических ритуалах, где сексуальный союз между участниками обоих полов через оргазм позволял им отождествиться с этими божествами и предоставлял секреты, которые предлагались в жертву перед тем, как их поглощали участники ритуала. В самом деле, нам неизвестно, в чем заключались эти древние культы, так как сведения из текстов, которыми мы располагаем (Джаядратха-ямала или Брахма-ямала-тантра, например, уāmalā означает «пару»), возможно, относятся ко времени не раньше VIII в., к эпохе, когда, по крайней мере, в Кашмире, эти ритуальные союзы, без сомнения, уже имели тенденцию к превращению из обрядов, проводимых небольшими группами девиантных аскетов, в трансгрессивный культ, в тайную ритуальную практику с целью спасения для крайне ортодоксальных индуистов. Это «одомашнивание», если так можно сказать, данных культов в определенных кругах, процесс, получивший отражение, в частности, в экзегетике кашмирского шиваизма, не помешал, очевидно, тому, что они продолжили существовать в своей первоначальной форме, тайно или нет: об этом свидетельствуют санскритская литература и театр, также как и различные тантры, Куларнава-тантра, например. В X в. правитель Кашмира осудил аскетов-ниламбаров, которые ходили парами, обнаженные и облаченные в черные покрывала.

В мире Тантры обнаруживается множество случаев, где символизм или сексуальные изображения играют определенную роль. В ясно выраженной или неявной форме они представлены в культе женских божеств. По этому поводу можно заметить, что, поскольку в индуистском мире человек, совершающий ритуал, это всегда мужчина, позиция, которая находит выражение в этой сфере, это с неизбежностью позиция существа другого пола, чем почитаемая богиня, что не может быть несущественным. Превознесение женщины в

¹ См., например, космический символизм, приписываемый сексуальному союзу, в Брихадараньяка-упанишаде 6.4.3.

Индии всегда было делом мужчин, что не позволяет объяснить некоторые вещи¹.

Касаемо этого восприятия секса можно уже напомнить, что кундалини, присутствующая в человеческом теле, это женская энергия, это шакти, которая поднимается по телу, чтобы воссоединиться с Шивой на макушке головы (и метафизически, на высшем уровне) и стать с ним единым целым: союз мужского и женского, который восстанавливает изначальный божественный андрогинат. Мы видели, что, согласно «Тантра-садбхаве», кундалини поднимается «из треугольной питхи», а стало быть, из символа женского лона, и она восходит, потому что ее трут или «пахтают» (*saṃghaṭṭād*, термин с сексуальной коннотацией). Треугольник (*trikoṇa*), обращенный вниз, в Индии это привычный символ женского пола. Используемый в тантрическом контексте термин «треугольник» напоминает о сексе. Автор комментария на «Тантралоку» (3.94) утверждает таким образом, по поводу фонемы E, называемой трикона, «треугольник» (потому что здесь соединяются три энергии), что он является «источником рождения, устами йогини». Между тем, именно из уст йогини (*yoginī-vaktra*), гласят каулические тексты, происходит наивысшее тайное учение, но эти уста – «нижние», *adhovaktra*, женское лono. Мы увидим далее, что именно посредством сексуального союза со своей женщиной-партнером, посредством «уст йогини», во время Великого жертвоприношения кулы, значительного сексуального обряда, йогин достигает слияния с абсолютom.

Важным изображением сексуального союза Шивы и Шакти в форме диаграммы, которое обнаруживается в особенности в традиции Трипурасундари или Шривидьи, является камакала². Это представлено в

¹ Согласно выражению Анн-Элен Тротье, которая говорила на основании опыта (см. ниже, глава 11, примеч. 24), женщина, участвующая в сексуальных практиках, это «богиня и рабыня одновременно». Можно напомнить здесь выше приведенную формулировку: мы сталкиваемся здесь с «male constructions of femaleness».

² Артур Авалон представил и перевел одно из главных описаний, «Камакала-виласа». Опубликовано в 1922 г. В серии «Tantric texts», это произведение, весьма заслуживающее чтения, часто переиздавалось. Его автором был Пуньянанда, живший, возможно, в XII в.

форме двух треугольников, обратно наложенных друг на друга фигура с шестью углами, где треугольник, обращенный вверх, это Шива, и другой, обращенный вниз, это Шакти, чье лоно это вершина треугольника. На двух краях гипотенузы, как предполагается, находится грудь этой фигуры, которая, в итоге, представляет собой схематическое изображение Богини в сексуальном союзе с Шивой. В середине диаграммы, в центральной зоне двух треугольников, поднявшаяся кундалини изображается вертикально в форме буквы $\bar{1}$, напоминающей змею (или точнее биджа-мантры $\bar{1}m$), идя от основания к вершине изображения, от муладхары внизу до брахма-рандхры вверху, при этом вершина треугольника вверху в некотором роде оказывается лицом Богини¹. «Камакала-виласа» излагает теологические и метафизические представления, которые символизирует эта диаграмма, вместе с божествами и силами, как предполагается, там присутствующими. Согласно мнению некоторых, эта диаграмма служила базовой структурой для скульптурных эротических изображений в индуистских храмах.

Часто встречающейся ритуальной практикой в сфере, о которой мы ведем речь, является культ женского лона, йони²: отправлять этот культ означает почитать источник жизни, начало мира, уста откровения, место экстаза и слияния с абсолютным. Сейчас мы рассмотрим несколько аспектов этого культа. Таким образом, мы обнаруживаем в небольшом тексте под названием Йони-тантра³ краткое описание того, как совершать йони-пуджу, обряд почитания женского лона. Это должен быть орган женщины легкого поведения, в случае необходимости возлюбленной йогина. Текст не содержит подробного описания женщины, но уточняет только, что ее йони не должна быть лишена волос... Йогин украшает эту женщину, которая находится на

¹ Читатель может, если желает, обратиться к примечанию на с. 202 моего перевода Йогини-хридаи («Le sœur de la Yogini»), где он найдет несколько уточнений и текстовых ссылок.

² Санскритский термин *yoni* (имеющий несколько родственных значений), как правило, мужского рода, но может быть и женского рода.

³ Эта тантра была издана с предисловием, но не переведена, Дж. Шотерманом (N.D.: Manohar, 1980).

мандале, затем он усаживает ее на свое левое бедро, умащает ее йони сандаловой пастой, дает выпить алкоголь, наносит на ее лоб красный полумесяц, рецитирует восемьсот раз мантру, обнимает и ласкает ее, а затем соединяется с ней. Секреты, которые таким образом производятся или эякулируются, образуют йони-таттву, тонкую сущность (uttama-tattva), которая должна использоваться в качестве подношения Богине, так как именно она почитается совершением этого обряда. Этот продукт также должен поглощаться адептом, который извлечет из него силу и совершенство.

Согласно тантре, посвященный адепт, садхака, который непрерывно повторяет: «йони, йони», входит в йони благосклонной Богини и обретает сверхъестественные наслаждения, также, как и освобождение. Другие тексты представляют больше подробностей как в отношении ритуального аспекта йони-пуджи, так и относительно телесного аспекта этого культа (существует вагинальная «картография», имеющая ритуальную ценность), но структура и смысл обряда всегда одни и те же.

Следует отметить, что Йони-тантра, по-видимому, является скорее вишнуитским, нежели шиваитским текстом. Этот текст происходит из Бенгалии, области, где тантрический культ Богини оставался весьма распространен. Недалеко отсюда находится Ассам (Камарупа, на санскрите – kāmā это эрос); возле Гаухати в Камакхье воздвигнут храм на месте, где, согласно преданию, упала йони богини Парвати¹, супруги Шивы, которая «кровоточит» каждый месяц.

Форма сексуального союза, особенно трансгрессивная по своим элементам и антуражу, предписываемая в некоторых текстах, должна совершаться ночью на месте кремации, при этом партнеры восседают на трупе².

¹ Об этом мифе см. 10-ю главу.

² Если верить Видье Дехедже (Yogini. Cult and Practices. P. 223), этот обряд практикуется еще и сегодня.

Производство и ритуальное использование для подношения божеству и затем вкушение половых секретов описывается в целом ряде шиваитских текстов. Это практики, предназначенные для посвященных, йогингов или сиддхов, но важные своим символическим значением, так как речь здесь всегда идет о том, чтобы быть причастным силе, чьим физическим источником является женщина, но чье влияние особенно велико, потому что к женской йони-таттве примешивается сперма и, стало быть, здесь обнаруживается творящая сила сексуального соединения: жизненная энергия и одновременно преодоление границ. Такие ритуальные подношения предписаны в культе женских божеств, великих богинь или йогини, как и в культе различных форм Шивы и при некоторых инициациях.

Эти два сексуальных продукта следует, кроме того, как правило, примешивать к другим субстанциям, а именно к алкоголю или мясу. Они служат в качестве субстанции, но особенно делают акцент на аспекте телесного участия, природе действия, тесно связанного с жизненной энергией и одновременно его трансгрессивном характере. Подношение должно совершаться в чаше (для каулов лучше всего подходит тура (tūra), человеческий череп, украшенный надрезами). Оно также может иметь форму шарика, включающего все эти элементы, и именуемого кундагола или кундаголака – то есть шарика (gola), происходящего из жертвенной ямы (kuṇḍa), то есть йони.

Ритуальные сексуальные союзы могут также иметь коллективный характер. Именно этому, впрочем, особенно в современную эпоху, тантрические обряды обязаны репутацией оргий. Эти тайные собрания отличались разнообразием и происходили по различным случаям. Именуемые мелапа, мелака или йогини-мелапа, или еще чакрапуджа, они объединяли посвященных адептов, йогингов, каждого из которых сопровождала женщина-партнер: йогини, отождествляемая с одной из форм Богини (это могла быть

его супруга, другая женщина или проститутка¹). Такие обряды совершались по особым датам ритуального календаря, а именно (как и во всем индуистском мире) во время определенных моментов лунного или солнечного цикла, именуемого парван. Согласно описанию, которое дает Абхинавагупта в 28-й главе «Тантралоки», адепты должны были собираться, разбившись на пары, ночью в концентрические круги вокруг гуру, который, окруженный своей семьей, руководил церемонией. Участники (наполненные «колесами энергии», т.е. божественными силами) украшали друг друга цветами и драгоценностями, умащали благовониями, и тогда пары могли совершить соитие. Цель заключалась в том, чтобы вызвать через взаимодействие пыла, охватившего всех участников – как через игру отражений в зеркалах, пишет Абхинавагупта (отметим яркость образа) – явное и бурлящее присутствие божественной силы, ощущаемое всеми. Чакра-пуджа, возможно, также совершалась в круглых храмах йогини.

Именно в «Тантралоке» содержится наиболее полное и основывающееся на древних тантрах описание сексуального обряда, именуемого Великим жертвоприношением кулы, тайного обряда, «предназначенного для наставников и учеников, достигших вершины», а значит, для совсем небольшого числа посвященных. Описание занимает около двухсот из трехсот стихов 29-й главы этого трактата². Данная практика всецело захватывает мышление, речь и тело того, кто совершает обряд, и кто должен быть совершенным существом (*siddha*), героем (*vīra*) и хозяином своей кундалини и своих чувств, умеющим управлять своей мужественностью, которая должна

¹В текстах иногда содержатся указания, что эти женщины должны принадлежать к нечистым кастам или заниматься проституцией: нечистота повышает уровень трансгрессии. В традиционном индуистском обществе проститутка, «вечно незамужняя», это женщина вне нормы (см., например, роман Ананты Мурти «Самскара», вышедший во французском переводе (Paris: L'Harmattan, 1985)).

² Эта глава, текст и комментарий была издана с предисловием и переводом на английский Джоном Дупьюшем (см. Abhinavagupta. The Kula ritual. Dehli: Motilal Banarsidass, 2003). Также она содержится (с. 549–580) в итальянском переводе «Тантралоки».

быть могучей, но использоваться только для трансцендентальных целей¹. Женщина-партнер на обряде, дуги (dūtī, «посланница»), должна обладать духовными качествами такого же уровня, что и йогин, чтобы их союз достиг своей цели, заключающейся во владении божественными энергиями, одушевляющими тело и дух, для обретения в конце опыта абсолюта. «Для этого жертвоприношения, – утверждает комментарий на «Тантралоку», следует избирать посланницу, не позволяя сексуальному желанию сбить себя с толку»: именно к освобождению, а не удовольствию стремятся те, кто совершает обряд. Два партнера должны вначале взаимно почитать друг друга, пробуждать их «колеса энергии», то есть чакры, центры всего того, что есть в них вибрирующего и воспринимаемого чувствами, чтобы создать целиком захватывающее их состояние одновременно сенсорного и духовного возбуждения, при этом тело и дух неразделимы, дух, сознание проживаемы только с телом и через тело. К поцелуям, ласкам, предварительным прикосновениям должны добавляться, чтобы усилить эмоциональный накал, красота цветов, привлекательность духов, благовоний, яств: эстетическая сторона тантрических обрядов важна, при этом переживаемый опыт красоты оказывается вратами в иной мир². Как предполагается, йогин и его партнерша обретают таким образом яркое осознание собственной сущности, «которая раскрывается благодаря разнообразию наслаждений», так как пара достигает состояния вибрирующего блаженства (spanda), где ощущение их тождественности с телом теряется, уступая место «восторженному открытию себя»: это «великое блаженство» союза, которое одновременно представляет собой яркость чувственного восприятия и преодоление любых ощущений.

¹ Йогин все же может использовать это, чтобы произвести на свет, вместе с женщиной, достигшей такого же духовного совершенства, что и он, исключительного ребенка, который будет yoginī-bhū, рожденным от йогини. Кашмирская легенда гласит, что Абхинавагупта был именно таким ребенком.

² Известно, что в Индии эстетическое наслаждение сопровождает мистический опыт: речь идет о том же самом восторженном удивлении (samatkāra на санскрите).

Йогин должен в таком случае почитать «главное колесо» своей партнерши: «уста Йогини» – ее лоно, откуда происходит «истечение», которое является высшим сознанием и которое «должно проходить взаимно из уст в уста»: комментарий уточняет по этому поводу, что после того как он «возбудил» свою партнершу, йогин должен предложить божествам и вкусить вместе с ней выделившиеся секреты, а затем отправлять культ различных божеств перед «уста́ми Йогини», а после на собственном теле. В таком случае он достигает состояния погруженности в умиротворенное блаженство, ведущее тем не менее к божественному союзу; затем переходит после джапы, совершая другой обряд, к «устам Йогини», третьему союзу, где оба партнера побуждают к взаимному проникновению все их энергии. Этот союз заканчивается слиянием сознания йогина с абсолютным.

Мы не могли изложить здесь никаких представлений ни об излишних деталях совершаемых ритуальных действий, ни об рецитируемых мантрах, ни о мысленных репрезентациях, которые сопровождают действия и которые, однако, существенно важны для совершения обряда, потому что обряд может отправляться только в присутствии божеств, а их йогин должен представлять себе, чтобы почитать их и завоевывать их благосклонность, все это создает напряженную обстановку, где соединяются и взаимно усиливаются сексуальное возбуждение и порыв к абсолютному. Этот обряд, разумеется, описывается с точки зрения его участника-мужчины. Его пути, даже если именно из ее «уст» исходит высшее знание, остается тем не менее средством, инструментом. Можно превозносить женщину, не будучи приверженцем феминизма.

Возможно, женщина-партнер на обряде в несколько меньшей степени подвержена инструментализации в случае другой тантрической традиции, а именно вишнуитской традиции эротического почитания Радхи и Кришны в бенгальской секте вайшнавов-сахаджиев, где царит совершенно другая атмосфера в духе бхакти. Почитатель Кришны, отождествляющий себя с этим известным божеством, ради того, чтобы воспроизвести его сексуальные игры

с гопи, пастушками, ритуально соединялся с женщиной-партнером, отождествляемой с Радхой, любимой подругой бога, погружаясь таким образом в атмосферу (bhāva), сладость (rasa) кришнаитского культа. Но всеохватывающая любовь к Кришне – это удел Радхи. Стало быть, именно с ней верующий может желать отождествить себя, становясь или скорее ведя себя, как женщина, потерявшая голову от любви. Здесь перед нами совершенно другой аспект роли секса в религиозной сфере: мистический эротизм, чье поле, очень широкое, не совпадает с областью тантризма. Трансвестизм, что касается его, упоминается во множестве тантрических текстов, которые достаточно часто предписывают служителю культа или почитателю одеваться как почитаемое им божество, чтобы лучше отождествлять себя с ним – отсюда иногда необходимость для мужчины принять женский облик. Доля эротизма в таких случаях, очевидно, вариативна, но это один из важных двусмысленных аспектов тантрических культов.

Наконец, добавим, что ритуальные сексуальные союзы, предписанные в тантрах, в частности, в шиваитских, не всегда подразумевают особо трансгрессивные практики, которые мы только что видели. Существуют случаи, когда соитие должно совершаться без эякуляции. Тогда мы сталкиваемся с другим подходом, также глубоко индийским, что и предыдущий, равно типичным для отношения индийцев к сексу и женщине: это не обретение могущества и доступа к трансцендентному через восторженное возбуждение и присвоение всех сил, присущих телу и связанных с интенсивностью полового влечения (и потребление их продуктов), но использование силы секса, осуществляемое иначе, но также благодаря творческой энергии. Избежать любой потери семени означает сохранить свою силу: старое представление, принявшее у индийцев форму постоянной одержимости. Следует использовать женщину, но для того, чтобы черпать из нее силу, тщательно избегая потерять что-либо из того, чем мы обладаем. Йогин достигнет яркого оргазма и почувствует себя единым с божеством, ничего не теряя из своей субстанции (он даже может увеличить

свою силу, всасывая секреты своей женщины-партнера¹). Мы обнаруживаем предписания сексуальных практик этого рода во множестве текстов, начиная с самых древних тантр (Джаядратха-ямала или Нихшвасататтва-самхита) или даже в некоторых агамах, вплоть до современных работ, не говоря о том, что можно увидеть еще в современной Индии, в частности у некоторых йогов². Как бы то ни было, все эти практики нацелены прежде всего на обретение сверхъестественных сил, сиддхи: в действительности, тантрик намного больше стремится к магической власти над вселенной, чем к освобождению из мира. Именно это становится ясно при чтении множества тантр³.

Секс и мистика

Сексуальный союз в рассмотренном нами здесь контексте всегда направлен на выход за пределы секса. «Это не совершается ради поиска удовольствий», – напоминает буддийский текст Хеваджра-тантра. Индуистские тантры не содержат подобных утверждений, возможно, допуская получение удовольствия до определенной степени. Дело в том, что, как им известно, существует мир по ту сторону удовольствия, поскольку удовольствие выступает преддверием к чему-то иному, что его превосходит, а это значит, мы должны испытывать удовольствие, выходя за его рамки.

Секс является одной из форм бурления энергии, śakti-kṣobha. Между тем, кшобха это состояние бурления божества в агамах и тантрах, божества, которое порождает вселенную. Для йогоина сексуальный союз, в котором он переживает это бурление, отныне оказывается участием в играх божественной энергии. А значит сексуальный союз может вполне естественно, если мы умеем задействовать его энергию и овладеть ее силой, будь то в рамках обряда

¹ Что с точки зрения анатомии невозможно, однако представление об этом все еще живо в Индии.

² См., например, статью: Darmon R.A. Vajroli mudra. La rétention séminale chez les yogis vāmācāri // Bouillier V., Tarabout G. Images du corps dans le monde hindou.

³ Обряды, предписанные в «Вамакешвари-мате», одном из базовых текстов шривидьи, имеют целью прежде всего завоевание всех женщин.

или за его пределами, привести к союзу мистическому. То, что йогин и его партнерша испытывают в таком случае, это более не удовольствие (sukha), но блаженство (ānanda), а оно, как известно, является характерной чертой Брахмана. Это аспект секса, о котором следует помнить, так как он важен и даже имеет основное значение (например, в трике).

Однако не у Абхинавагупты я возьму пример этого, но из более древнего произведения, «Виджняна-бхайравы»¹. Вот 68-й стих: «[Йогин] должен сосредотачивать свою мысль, целиком пронизанную удовольствием, на центральной точке, между огнем и рыбой, будь ли то совершенно одну, будь ли то наполненную жизненным дыханием. В таком случае он растворяется в блаженстве любви»². Этот текст становится ясным, если известно, что «огонь» и «рыба» означают начало и конец полового акта и что «центральная точка», на которой йогин должен сосредотачивать свою мысль, это кундалини, представляющая собой форму божества в человеческом теле. Кундалини, поднимаясь в ходе полового акта, достигает своей высшей точки, где с оргазмом йогин растворяется в абсолюте. Абхинавагупта в своем комментарии на «Виджняна-бхайраву» «Паратримшика», впрочем, говорит об этом более ясно. Мы вернемся к «Виджняна-бхайраве», когда речь пойдет о мистическом опыте.

Таким образом, секс во всех рассмотренных нами случаях используется как средство достижения трансцендентности (или, по меньшей мере, «измененных состояний сознания») или сверхъестественных способностей. Это не влечение, которому мы поддаемся, но сила, которой мы управляем. Это техническое мастерство, а не гедонизм: жизнь тантрика это не поиск удовольствий.

¹ Я вернусь к этой теме в 9-й главе, когда речь пойдет о мистическом опыте.

² Лилиан Сильбюрн представляет и объясняет очень подробным и полным образом этот стих из «Виджняна-бхайравы» в своем переводе данного текста (с. 109–111).

